

Спасович Владимир Данилович

**Семь судебных речей по
политическим делам
1877-1887**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Данилович С.**
Семь судебных речей по политическим делам 1877-1887 / Спасович Владимир
Данилович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 238 с.

ISBN 978-5-519-75053-0

Содержание: 1. Дело о 193 лицах; 2. Дело Мровинского, Теглева и Фурсова - о подкопе под Малую Садовую улицу; 3. Дело Юрия Богдановича и Прибылевых; 4. Дело Веры Филипповой, Чемодановой и других; 5. Дело о варшавском "Пролетариате"; 6. Дело об убийстве купчихи Боговской в Пскове; 7. Дело о Германе Лопатине, Петре Якубовиче и других 19 лицах

ISBN 978-5-519-75053-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Издаваемая нынѣ книжка заключаетъ въ себѣ дополненіе къ моимъ судебнымъ рѣчамъ съ 1867 по 1892 г., которымъ посвящены 5, 6 и 7 тома изданія моихъ сочиненій. Въ ней помѣщены семь рѣчей, произнесенныхъ мною въ тревожную, миновавшую уже эпоху въ судебныхъ засѣданіяхъ общегражданскихъ и военныхъ судовъ по дѣламъ либо о государственныхъ преступленіяхъ, либо имѣющихъ нѣкоторую политическую окраску. Къ послѣднимъ отношу и дѣло о генералѣ Мровинскомъ, дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ и даже дѣло варшавское о „Пролетаріатѣ“. Только по первому изъ этихъ семи дѣлъ судебное засѣданіе происходило при открытыхъ для публики дверяхъ. Печатаю эти рѣчи потому, что по кореннымъ образомъ измѣнившимся въ жизни государственной обстоятельствамъ, какъ мои рѣчи, такъ и дѣла, къ которымъ онѣ относятся, имѣютъ нынѣ одинъ только историческій, чисто научный интересъ, при ретроспективномъ обзорѣ довольно отдаленнаго уже прошлаго.

15 іюня 1900 г.

В. Снасовичъ.

1877.

I.

Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи съ 1873 года (такъ называемое дѣло 193 лицъ).

Суду особаго присутствія правительствующаго сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ преданы 193 лица, обвиняемыхъ въ томъ, что принимали участіе въ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлю въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, печатали, рассылали и распространяли возбуждающія къ бунту или явному неповиновенію власти сочиненія.

Главные обвиняемые были: дворянинъ Александръ Кадьянъ, кандидатъ Московскаго университета Михаилъ Щепкинъ, крестьянинъ Андрей Желяборъ, дворяне Сергій Коваликъ и Тимофей Квятковскій, прусскій подданный Вильгельмъ Ланггансъ, дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Лебедева, мѣщанинъ Николай Морозовъ, домашній учитель Ипполитъ Мышкинъ, дворянка Софія Перовская, дворяне Дмитрій и Вѣра Богачевы, дворянинъ Саблинъ, сынъ дьячка Михаилъ Грачевскій.

Разборъ дѣла продолжался съ 18 октября 1877 г. по 25 января 1878 г. при открытыхъ дверяхъ. Обвинялъ товарищ оберъ-прокурора В. А. Желиховскій. Подсудимаго Кадьяна защищали профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Ст. Таганцевъ. Подсудимаго Щепкина защищали В. Д. Спасовичъ и отецъ подсудимаго.

Речь въ защиту подсудимаго В. Н. ЩЕПКИНА.

Гг. сенаторы! Случалось ли вамъ видѣть походъ отряда войска въ знойный день по песчаной степи? Жара невыносимая, утомленіе страшное, у каждаго солдата за плечами пудъ какой-нибудь амуниціи. Я полагаю, что наша защита въ цѣломъ ея составѣ имѣетъ до нѣкоторой степени видъ этихъ усталыхъ, въ потѣ чела въ песку по колѣна тащащихся солдатъ. Вы не будете въ претензіи, что, будучи однимъ изъ этихъ злосчастныхъ солдатъ, я постараюсь облегчить себя и вывину часть моей амуниціи, все обходимое, все не относящееся прямо и непосредственно къ моему подсудимому, Щепкину. Этотъ пріемъ тѣмъ нужнѣе, что, по странному стеченію судебъ, въ самомъ началѣ преній на мои плечи извалилась ноша

тяжелѣе, нежели на другихъ, на меня и на моего товарища, если не по профессиональной защитѣ, въ которой онъ-*tiro*, новобранецъ, то по профессурѣ, Таганцева. Вамъ всѣмъ извѣстно, что по обвинительному акту ни Щепкинъ, ни Кадьянъ не выдѣлялись особенно какъ яркіе арабески на сѣромъ фонѣ пропаганды; въ числѣ обвиняемыхъ были лица поважнѣе по дѣятельности и по вліянію. Но, обвиняя всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ этихъ двухъ по обвинительному акту сухо, безъ уликъ, въ видѣ того Синодика, который произносить Иоаннъ Грозный въ IV дѣйствіи трагедіи Алексѣя Толстого, г. представитель прокурорскаго надзора отличилъ, выдвинулъ и разработалъ только двухъ: Кадьяна и Щепкина, вслѣдствіе чего по этому обвинительному акту они получили исключительное, особенно возвышенное положеніе; на самой вершинѣ пирамиды обвинения имъ дано это первенствующее положеніе. Я не знаю, какъ вы посмотрите на Кадьяна, но что касается до Щепкина, то я полагаю и надѣюсь, что докажу, что онъ не заслуживаетъ ни *cet excès d'honneur*, ни *cette indignité*, какъ говоритъ Расинъ въ одной изъ своихъ трагедій, то есть, что ему никакъ по его свойствамъ не подобаетъ чинъ коновода революціонной партіи, въ который онъ возводится единственно только на основаніи двухъ, трехъ банальныхъ и многимъ людямъ общихъ признаковъ, что онъ былъ помѣщикомъ, членомъ земской управы, а въ добавокъ совершеннолѣтнимъ человекомъ. Въ этомъ странномъ дѣлѣ, повидимому, совершеннолѣтіе имѣетъ рѣшающее значеніе и служить для отдѣленія овецъ отъ козлищъ. Имѣлъ кто несчастіе быть совершеннолѣтнимъ, такъ и коноводъ; не достигъ 21-го года—такъ былъ увлекаемъ и такъ былъ безсознательно разрѣшающею превосходящею пониманіе ея вопросы овечкою. Къ несчастію, Щепкинъ совершеннолѣтній, но и по виду и по тому, что вы слышали, весьма молодъ, а что онъ еще былъ моложе два года тому назадъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Доказательства его молодости, которую я беру не въ дурномъ а хорошемъ ея значеніи, налицо и я приступаю къ ихъ послѣдовательному изложенію.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1875 г. сдѣланъ обыскъ у бывшаго студента Московскаго университета, помощника присяжнаго повѣреннаго и занимающагося земскими дѣлами по званію гласнаго, очень молодого еще человѣка Владимира Николаевича Щепкина. Все, что обрѣталось подъ ключемъ въ столѣхъ, на полкахъ, было вскрыто, всплыли давно брошенные недозрѣлые грѣхи мысли, шалости пера и тѣ съ политической точки зрѣнія неоприятности, которыя у каждаго человѣка, самаго благонамѣреннаго, найдутся; у всякаго есть въ этомъ отношеніи свое грязное бѣлье. А у Щепкина этихъ писанныхъ для себя и не предназначенныхъ для печати, но нецензурныхъ вещей было особенно много, потому что онъ человѣкъ еще

не выработанный, одержимый страстью писать. Есть два рода людей, вырабатывающихся въ теченіе переходнаго періода, въ которомъ каждый изъ насъ находится при выходѣ изъ университета: либо человѣкъ даетъ мысли, но опъ не можетъ приискать подходящаго для нихъ выраженія, либо, какъ только мысль зашла въ голову, тотчасъ не углубляя ее и не перерабатывая, рука спѣшитъ парафразировать ее и разбавляетъ каждую ея каплю огромнымъ количествомъ воды. Въ первомъ случаѣ выходитъ *многомысліе*, страдающее отсутствіемъ исхода, во второмъ *многословіе*, родъ литературнаго поноса. Всякому изъ переживавшихъ университетскій періодъ жизни и встрѣчавшихся съ экземплярами обоихъ типовъ извѣстно, что вторая болѣзнь проходитъ скорѣе, чѣмъ первая, и послѣ нѣсколькихъ неудачъ приводитъ, если только субъектъ мало-мальски исправился, къ заключенію либо оставить литературную дѣятельность и посвятить себя другой болѣе практической, либо отложить на долгое время всякое писаніе и, паложивъ на себя эпитемію долгаго молчанія, приняться за перо только впослѣдствіи, когда мысли дозрѣютъ и наберутся въ голову не изъ книжекъ, а изъ опыта жизни въ достаточномъ количествѣ. Я долженъ сказать, что всѣ замѣчанія о послѣдней категоріи людей относятся къ моему кліенту Щепкину, котораго многофигурные автографы фигурируютъ въ числѣ вещественныхъ доказательствъ. Эти незаконныя дѣти незрѣлой еще мысли Щепкина значатся въ обвинительномъ актѣ, какъ рукописи преступнаго содержанія. Я долженъ прежде всего остановиться на нихъ, познакомить съ ними особое присутствіе.

Первое мѣсто по объему занимаетъ громадная рукопись въ 520 страницъ: „Женскій вопросъ въ Россіи“, разобранный по всѣмъ состояніямъ, начиная съ дворянства до крестьянства и разложенный въ каждомъ сословіи въ особые такъ-сказать ящики: морфологія и философія дворянства, духовенства и купечества по отношенію къ женщинѣ, рожденіе и воспитаніе ея, жена и мать, женщина какъ работникъ съ ея трудомъ. Сочиненіе самобытное, безъ фактовъ патасканныхъ изъ иностранныхъ книгъ, безъ статистическихъ данныхъ, безъ эрудиціи и цитатъ, просто изъ собственныхъ размышленій, такъ какъ жизненнаго опыта не могъ много имѣть 20-лѣтній юноша. Таковъ этотъ трудъ хорошій по намѣреніямъ, но водянистый и схоластическій по идеѣ. Я не думаю, чтобы легко было его осилить читателю.

Второе произведеніе, уже не столь соціальное, какъ вопросъ о женщинѣ, по своей элементарности лишено политическаго характера; это финансовый этюдъ о податяхъ въ двухъ экземплярахъ, предназначенный для печати: „Что намъ нужно?“ Освободить трудъ отъ всѣхъ податей, обложивъ капиталъ и чистый до-

ходъ, т. е. подвергнувъ обложенію людей, живущихъ барышами. Не будучи пророкомъ могу сказать, что близится то время, когда надо будетъ по финансовымъ нашимъ затрудненіямъ прибѣгнуть къ этой необходимѣйшей реформѣ, она на череду и въ духѣ времени. Притомъ статья написана трезво и умѣренно, спокойно и легально.

Отъ этой статьи какой рѣзкій переходъ, какой скачокъ въ неоконченномъ и брошенномъ на 31-й страницѣ отрывкѣ: „*О томъ, какъ земство и фабриканты Владимірской губерніи заботятся о рабочихъ*“. Отрывокъ этотъ особенно поручаетъ вашему вниманію, г. товарищъ оберъ-прокурора, какъ произведеніе возмутительнаго содержанія. Точно не тотъ человѣкъ его писалъ, какъ будто онъ былъ намагниченъ, какъ будто бы сквозь его голову прошелъ новый токъ тѣхъ идей и стремленій, которые пропагандировались, какъ видно изъ дѣла, въ 36 губерніяхъ. Изъ рукописи видно, что она писана въ началѣ 1875 г. (ссылка на слова, напечатанныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 25 или 26 августа 1874 г. по случаю открытія въ Москвѣ дворянскихъ учреждений). Если вы видите, что строй мысли человѣка былъ столь спокойный и серьезный сначала, что и потомъ этотъ человѣкъ имѣетъ самыя серьезные запятія, сначала какъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго по 30 мая 1874 г., потомъ съ осени 1874 г. донынѣ какъ гласный губернскаго земскаго собранія и членъ Богородской городской управы, инспектирующій больничную часть въ уѣздѣ въ 1877 г., занимающійся по нотаріату, какъ кандидатъ въ почетные мировые судьи, и если среди этой дѣятельности и практически полезной жизни встрѣчается откопанная при обыскѣ революціонная вещь безъ конца, вещь, сотканная изъ коммунистическихъ идей въ родѣ того, что земля для всѣхъ, лѣсъ для всѣхъ, солдатъ не нужно, податей не нужно, поповъ не нужно, и съ непочтительною для царской власти исторіею ея отъ Рюрика и Варяговъ, то я въ правѣ заключить, что мой довѣритель окупился въ большое идейное теченіе, но только минутно и пассивно, что въ этомъ омутѣ онъ не былъ настолько сообразителенъ, чтобы связать концы мысли съ концами, чтобы подойти даже къ избранному сюжету, такъ какъ не только о крестьянахъ Владимірской губ., но и о самой-то губерніи пѣть и поминать въ статьѣ, а по размаху пера видно, что оно бы вышло, если бы планъ былъ выполненъ, большимъ произведеніемъ въ нѣсколько сотъ страницъ (меньше того Щепкинъ въ то время не писалъ), то есть создано было бы пѣчто, чего бы и самъ Щепкинъ въ чтеніи не осилилъ. Откидывая на будущее время разборъ вопросовъ о томъ, кто былъ вдохновителемъ новыхъ идей, кто изображалъ электрическую искру направленнаго чрезъ Щепкина тока, я останавливаюсь, обособляя предметъ, какъ это всегда бываетъ, когда

хочешь вещь анализировать, на этой начатой рукописи и задаю себѣ вопросъ: за это дѣло, за эти пролитыя чернила, за эту записанную бумагу какой участи можетъ подвергнуться Щепкинъ? Съ квалифікаціею *возмутительнаго сочиненія* я не могу согласиться потому, что это покушеніе на написаніе чего-то революціоннаго, но прямо возмущающаго, вызывающаго на бунтъ оно ничего не содержитъ, оно только абсурдно и неприлично, оно начатая, но неоконченная мысленная экскурсія въ край запрещеннаго плода и утопій.

Блужданіе мысли вещь, нигдѣ и никогда не наказуемая съ римскихъ еще временъ: *cogitationis poenam nemo patitur*. Оно и у насъ не наказуемо какъ политическое преступленіе, а наказуемо только какъ полицейскій маловажный проступокъ.

Я полагаю, что эта рукопись не объявленіе и не воззваніе къ народу съ цѣлью возбудить бунтъ — слѣдовательно, что она не подходитъ подъ 251 ст. улож., но она преступный не осуществившійся умыселъ на распространеніе ученій оспаривающихъ, между прочимъ, права верховной власти и подвергающихъ сомнѣнію ихъ неприкосновенность, за что по 252 ст. (за одно составленіе) полагается не Богъ вѣсть какое тяжкое наказаніе: заключеніе въ крѣпости безъ лишенія правъ отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ.

Но если бы вамъ хотѣлось примѣнять и эту не Богъ вѣсть какую тяжелую статью уголовного закона, съ которою можно бы и помириться, то вамъ, какъ техникамъ уголовного дѣла, не могло бы не броситься въ глаза, что для примѣненія 252 ст. есть одно капитальное препятствіе: эта рукопись не сочиненіе, а покушеніе на сочиненіе столь далекое отъ осуществленія, какъ аккорды прелюдій музыканта далеки отъ танца, или черныя подкладыванія красокъ отъ картины. Притомъ вспомнимъ, что по всей вѣроятности это сочиненіе, вызванное знакомствомъ съ Устюжаниновымъ осталось недокопченнымъ съ момента, когда Устюжаниновъ поселился въ Новикахъ, значить, что это покушеніе, оставленное по волѣ самого покушавшагося. Если за сочиненіе совершенно пригодное для распространенія полагается наказаніе — заключеніе въ крѣпости, то за сочиненіе совершенно негодное для распространенія по 114 ст. улож. его вовсе пельзя наказывать. Если оно будетъ признано покушеніемъ, остановленнымъ по независящимъ отъ Щепкина обстоятельствамъ, т. е. что не будь Щепкинъ арестованъ, онъ бы докончилъ сочиненіе, то и въ такомъ случаѣ, понижая наказаніе обязательно по 114 ст. на двѣ (а можетъ быть на 3 или на 4 степени), мы придемъ къ заключенію въ крѣпости отъ 4 недѣль до 4 мѣсяцевъ по 3 ст. 35 статьи; притомъ преступленіе это, о которомъ впервые заявлено на судебномъ слѣдствіи, а совершено оно въ началѣ 1875 г., только потому не покроется давностью, что для всякаго

проступка, влекущего заключеніе въ крѣпости, требуется давность не 2-лѣтняя а 5-лѣтняя.

Рукопись о владимірцахъ, не дошедшая до владимірцевъ, есть собственно и единственная литературная неопрятность Щепкина, которой я опасаясь; все остальное совершенно чисто и безвредно, даже въ цензурномъ отношеніи. Книга Іегера о социализмѣ не можетъ колебать, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, основъ государственнаго порядка, коль скоро она пропущена цензурою, коль скоро съ разрѣшенія цензуры ее можно всякому желающему добыть.

Вопросъ о томъ, прошла ли бы эта книга въ русскомъ переводѣ для массы, который разрѣшаетъ записка главнаго управленія по дѣламъ печати за № 3143 отъ 3 іюня 1876 г., есть вопросъ совершенно праздный, потому что: 1) ни началъ переводъ Устюжаниновъ, ни продолжалъ его Щепкинъ не отдавали рукописи въ цензуру и не пробовали ее печатать; 2) что по установившимся твердо въ судебной практикѣ правиламъ напечатаніе книги, вполнѣдствіи внутренней цензурою не пропущенной, есть приготовленіе къ преступленію, не наказуемое въ лицѣ переводчика или издателей (дѣло Павленкова и Полюкова—сочиненія Луи Блана и Леккы); 3) что главное управленіе по дѣламъ печати, какъ оно само выразилось въ своемъ отношеніи, не потрудилося взглянуть на книгу Іегера въ цѣломъ составѣ, а выводило свои заключенія изъ начала перевода и его покорило, что авторъ, хотя: а) не отвергаетъ собственности, но требуетъ регулированія отношеній между обладающими орудіями производства и рабочей силой; б) что онъ сочувствуетъ интернаціоналкѣ и восторгается ею; в) что онъ считаетъ остальными людьми катедеръ-соціалистовъ и г) что онъ космополитъ.

Чтобы доказать, насколько неосновательны эти обвиненія, я прошу просмотрѣть краснымъ карандашомъ обведенныя мѣста въ книжкѣ и одно сопоставленіе ихъ докажетъ, что Іегеръ противникъ социализма и что вся его книга есть полемика противъ социализма и полемика противъ революціи.

Родоначальникомъ социализма считаетъ онъ Маркса, какъ формулирующаго мысль, что нѣтъ частной собственности по отношенію къ орудіямъ производства. Лассаль только ученикъ Маркса. Вотъ почему Іегеръ изучаетъ его интернаціоналку, чтобы въ концѣ концовъ заключить: „мы утверждаемъ рѣшительно, что институтъ частной собственности конечно ограниченный, съ ограниченіями болѣе нравственнаго свойства, составляетъ одинъ изъ главныхъ устоевъ (*Grundpfeiler*) цивилизаціи и что всякое нападеніе на этотъ столбъ социалистично“.

Я не буду утомлять васъ разборомъ ученія Маркса въ 1 книгѣ, ни поучительною исторіею интернаціоналки во всѣхъ страхахъ

Европы и Америки. Всѣ нити плана стекаются въ окончательныхъ выводахъ (*Schlussfolgerungen*) на 70 страницахъ; я попрошу взглянуть на красный карандашъ и убѣдиться въ томъ, что по мнѣнію Іегера социализмъ вреденъ и опасенъ потому, что онъ есть міросозерцаніе, проявляющееся на религіозной почвѣ какъ атеизмъ, на политической какъ особаго рода республика, на экономической какъ коммунизмъ, чему Іегеръ вовсе не сочувствуетъ. Постигнувъ на политическомъ поприщѣ, что пропасть между владѣніемъ и невладѣніемъ не заполняется политическою свободою, социальная демократія отдѣлилась отъ буржуазной и беретъ политическія свободы какъ одинъ только задатокъ и переходную ступень къ тому, чтобы не преобразовывать, а совсѣмъ разрушить государство (въ томъ-то ея отличие отъ всѣхъ другихъ партій). Ея кумиръ—это всеобщая подача голосовъ, организовавшее рабство меньшинства подъ деспотіей *массы*. Масса легко заблуждается, ее на возжахъ ведутъ не вымирающіе никогда агитаторы. Она безусловно рѣшаетъ все, даже вопросы, которые не подлежатъ голосованію, начала высшаго порядка, добро и зло, нравственное и безнравственное. Если бы единогласно по всеобщему голосованію рѣшено было, что нравственно—безнравственно, то тому нельзя бы подчиниться. Государство съ всеобщимъ голосованіемъ никогда не будетъ государствомъ свободы (это не я говорю, это Іегеръ). Въ республикѣ и въ особенности съ всеобщею подачею голосовъ необходимы республиканцы, а они того не выражаютъ на почвѣ современнаго матеріализма и социализма. На экономическомъ поприщѣ освобожденіе труда отъ капитала сводится къ уничтоженію частной собственности, т. е. къ коммунизму. А на частной собственности покоялся продукція и съ нею связанное распредѣленіе богатствъ есть несмотря на свои недостатки все-таки нѣчто относительно лучшее, потому что она—единственно возможный и состоятельный (*haltbar*) порядокъ. На религіозномъ поприщѣ положительная религія есть злѣйшій врагъ социализма, оплотъ противъ революціонныхъ ученій. Посему социалистомъ не можетъ быть работникъ, исповѣдывающій положительную религію. Социализмъ интернаціоналенъ, правда, и космополитиченъ, и предохраняетъ отъ шовинизма, но это денационализираніе вредно и опасно.

Перескакивая черезъ десятки страницъ, я останавливаюсь на послѣднихъ 7-ми: *Die Bedeutung der socialistischen Bewegung*. Картина поистинѣ поразительная. Порча общества началась съ высшихъ классовъ, они выродились, порча перешла въ низшіе и вызвала социалистическіе симптомы. Основанія права оставлены, нравственность попорана ногами, нѣтъ никакого уваженія къ договорамъ. Въ политикѣ — реализмъ, въ нравственности — утилитаризмъ, въ области общественности на всемъ лежитъ клеймо матеріализма, въ